

Было проведено (по гранту или по заказу какой-либо организации или ведомства) и его результаты могут как-то способствовать публичной дискуссии по значимым для общества проблемам – эти результаты должны быть опубликованы в том или ином виде, разумеется, с учетом этических аспектов отношений между заказчиком и исполнителем, куда таковые возникнут.

Можно говорить об условиях, когда такой поворот будет возможен в более или менее широких масштабах. Публичная социология в качестве ясно различимого интеллектуального поля может утвердиться в связи с системными трансформациями в обществе и в общественных науках. Во-первых, должны утвердиться новые источники финансирования исследований – они должны располагаться вне бизнеса и вне государства, и направлены на производство именно публичной социологии, укорененной в сообществах. Во-вторых, интерес к профессиональным социальным исследованиям должен ясно проявиться со стороны гражданского общества, должны стать больше и профессиональных исследователейских организаций. В-третьих, у социологов, особенно молодых, должны появиться перспективные занятости в организациях гражданского общества, некоммерческих организациях, нуждающихся в социальных исследованиях на благо сообщества, влияющих на политику снизу-вверх. И, наконец, в-четвертых, и мы говорили об этом не раз, социологическое образование должно научить готовить таких специалистов.

Какой вам видится роль публичной социологии ближайших десятилетий?

Поскольку публичная социология в таком виде, как мы себе ее представляем, является детищем грантовой культуры и традиций гражданского общества – открытых конкурсов, честной соревновательности за финансирование и прочие ресурсы, публичным и доступным всем результатам работы, открытым для критики со стороны, преимущественно в исследовательской традиции, – мы можем говорить скорее о же-лаемом будущем, чем о ясной перспективе. Очень хотелось бы больше возможностей, достойных альтернатив, но российское гражданское общество пока очень слабо, связь его с социальными исследованиями пока неоднозначна, российское государство довольно осторожно отно-сится к международным донорам, которые на протяжении многих лет помогали развиваться публичной социологии, а российские доноры не торопятся приходить в этот сектор, тогда как ресурсы сообществ слиш-ком ограничены. В таких условиях потенциал публичности у социологии раскрыть будет трудно, но возможно. Многие будут зависть, вероятно, от социологического образования, развивающегося на факультетах, дет-ских школах, от локальных клубных инициатив, еще больше – от круп-ных фигур в социологии, авторитетных ученых, их желания повернуться от узкого академизма к публичности и широкому обществу, стремления участвовать в публичных дебатах.

Николай Романовский

О современном этапе развития социологии

Вопросы к теоретическому описанию современных реальностей много. Какую позицию заняла социология? Реакция сообществ социоло-гов продиктована в какой-то мере тем, что авторитет социологии отра-жается и на распределении ресурсов профессиональных сообществ, на привлекательности этой дисциплины на рынке образовательных универ-ситетских услуг, на общественной роли науки. Последний момент, на-помню, активно обсуждался на международных форумах перед всемир-ным социологическим конгрессом в Дурбане и на самом конгрессе.

Эту тему акцентировал, продуманно адресуясь к посткоммунисти-ческой аудитории, экс-президент Международной социологической ас-социации П. Штомпка в Москве в ноябре 2005 года. В сущности, обра-щение к проблемам общества и есть смысл существования социологии. Она возникла из общественных потребностей, завоевала признание сво-им вкладом в решение конкретных проблем индивидов, групп, обществ. Нынешние призывы к повышению общественной роли социологии свя-заны с конкретной ситуацией на пересечении общественных запросов и работы социологов. Варианты возможных шагов некоторое время назад обсуждали, например, два бывших президента Международной соци-ологической ассоциации М. Арчер и И. Валлерстайн. Последний ориен-тировал на перспективу революционной ломки ныне существующей «социальной реальности». Его оппонент склонялся к тому варианту развития дисциплины, которая из истории общественного движения в России начала XX века известно как «теория малых дел»².

Нынешнюю кампанию за активизацию общественной роли соци-ологии в известной мере генерировал президент Американской социоло-гической ассоциации (занимал этот пост согласно уставу Ассоциации в 2003-2004 годах.) Майкл Буравой (в Дурбане избран одним из вице-президентов Всемирной ассоциации социологов). С его биографией мож-но ознакомиться в Интернете³. Выступив, завершая положенный срок президентства, с докладом «Публичная социология», Буравой разви-л свои мысли в ряде выступлений, получивших серьезный резонанс. Миру нужна публичная социология, чтобы во имя интересов человечества сдер-живать необузданную тиранию рынка и государства; нужно повернуться лицом к реальным проблемам общества, превращая (слова Ч.Р. Миллса)

¹ Полный вариант текста впервые опубликован: Романовский Н.В. О совре-менном этапе развития социологии // Социологические исследования, №1, 2007. Фрагмент публикуется с любезного разрешения автора.

² Социология и социологи перед лицом глобальных катаклизмов // Социол. ис-след. 1999 № 3. С. 3-10.

³ American Sociological Association. Profile of the President of ASA: Michael W. Burawoy // <http://www2.asanet.org/goetaince/burawoy.html>

частные заботы в публичные проблемы. Буравой назвал труды последнего периода, ставшие вкладом в решение таких важных вопросов общества как расовая дискриминация в учебе и труде, эффективная организация труда, равенство женщин и мужчин, сексуальные домогательства на работе, оздоровление экологии городов, совершенствование школьных программ. Он выделил исследование Дианой Вон организационной культуры в НАСА, — в связи с гибелью «шаттлов» «Колумбия» и «Челленджер». Центром усилий социологов в настоящее время, считает М. Буравой, следует сделать массовые проявления социальной несправедливости в отношении мигрантов в экономически развитых странах¹. Нельзя не признать, что в этой проблематике глобализация, как ее видят в Европе и Северной Америке, реально и болезненно «встретилась» с третьим миром, с миром немалых, и эта встреча еще более поддразняет основы теории модернизации, формируя, возможно, контуры социологии завтрашнего дня.

Призыв Буравого резко активизировать «публичное» начало социологии вызвал широкие неоднозначные отклики. Последнее связано в какой-то мере с тем, что М. Буравой — марксист по убеждениям. Он длительный время читал курс «Марксизм и социология» в калифорнийском университете Беркли (там в 1960-е годы студенты напряженной борьбой оживляли «свободу слова») по произведениям Маркса, Энгельса, С. Де Бовуар, Ф. Фанона, Э. Дюркгейма и М. Вебера. Буравой специализируется по социологии труда, часто используя метод включенного наблюдения. Он, например, в начале 1990-х провел исследование на мебельной фабрике в Сиктывьваре, а ранее в Венгрии отработал год сталеваром на металлургическом комбинате им. Ленина. Характерно, что вновь избранный президент МСА М. Вевёрка известен публикациями, содержащими анализ феноменов расизма, ксенофобии, антисемитизма, терроризма.

Призывы Буравого оттеняют некоторые черты сегодняшней российской социологии, в которой, кажется, направление марксистской критической социологии не существует: по некоторым публикациям может сложиться впечатление, что марксизм — дело прошлого. Между прочим, это свидетельство того, чем в действительности были в СССР «марксизм-ленинизм» и соответствующие социологии, политэкономия, философия. Время от времени в редакцию нашего журнала приходят статьи, воспроизводящие подходы советского времени. Но, как показывает случай с публичной социологией, сейчас марксизм значим не как теория конкретного этапа в истории капитализма или набор вытекающих из этого анализа рецептов. Марксизм изначально и в своей реально сложившейся к исходу XX века роли выступает как научный анализ (и поиск выхода из) отчуждения, экзистенциализма, нищеты, неравенства, эксплуатации, доминирования и т.д. Человечество пока не придумало новой теории этих яв., что

и питает жизненные силы марксизма. Ситуация эта имеет прямое отношение к России и как аспект публичной социологии, и как теоретическое основание политики в социальной (по меньшей мере) сфере.

Естественно, речь идет о социальной политике не в смысле, заложенном в наименование государственного ведомства по социальным вопросам. Марксизм — реальная и важная парадигма современной социологии. Взаимодействуя с окружающей общественной-научной средой, он стимулирует анализ социальных проблем и выступает как фактор развития социологии. Выступления марксистов стимулируют содержательные дискуссии, — «политкорректные», но и без дипломатических условностей.

Среди имен этого направления социологи М. Буравой, Л. Вакан, Э. Олин Райт, Г. Терборн (он оговаривался о теории модернизации так: «это скорее рыхлый набор дискурсов о социальных изменениях»)¹, авторы, группирующиеся вокруг журналов «Critique», «New Left Review», «Evearth Thesis». Сильное влияние марксизма отразилось в трудах П. Бураье, Э. Гидденса, М. Фуко, Ю. Хабермаса, Н. Пулантаса и др. Сейчас в нашей стране немногие помнят лауреата Ленинской премии за укрепление мира между народами (1959 года награждения) Уильяма Дюбуа, американского социолога, с 1930-х годов коммуниста, исследователя проблем американских негров. Сейчас он — классик социологии, а его книга 1903 года «Души черного народа» — в списке лучших трудов по социологии.

¹ Вуравой М. The world needs public sociology // Sosiologisk tidskrift. Oslo. 2004. N. 3. А также American Sociological Association: 2004 Presidential address // <http://www2.asanet.org/pubs/2004PresidentialAddressASR.pdf>

¹ Выступление Г. Терборна на конференции Paradigmen des sozialen Wandels: Modernisierung und Entwicklung, Transformation und Evolution // <http://zora.man.ubwaw.de/bwaw/Forschung/Forschungsprojekte/paradigmen/bilder/therborn>